

На следующее утро, приготовив завтрак, Лу Жун позвал Фан Цин. Она лежала в постели, отказываясь вставать. Лу Жун поставил будильник, напомнив ей, что сегодня придет Цзи Тун. Затем оставил на кухне записку с инструкциями: каша в кастрюле, яичница - на электро-сковороде. Взяв школьную сумку, он вышел из дома.

Старый Ван курил возле их двери. Лу Жун выхватил у него сигарету, растоптал окуроч и назидательно произнес:

— Не курите в присутствии несовершеннолетних, — затем поднял окуроч и вернул ему: — И, пожалуйста, не мусорьте у моей двери.

— Почему ты постоянно придираешься?! — возмутился Старый Ван, пытаясь заглянуть в квартиру.

Лу Жун повернулся, чтобы запереть дверь, загораживая обзор, и быстро спустился по лестнице.

Старый Ван не отставал, осторожно спрашивая:

— Вчера к вам кто-то приходил? У твоей матери действительно проблемы?

Лу Жун посмотрел на часы и, словно диктор из документального фильма «Китай на кончике языка»*, начал свой рассказ:

— Каждый день в это время Чэнь Юйлян начала свой трудовой день. В час пик ученики старшей школы Чэннань стекались к школьным воротам. Большинство из них направлялись к ее прилавку, чтобы купить онигири с говядиной, жареные колбаски, вяленую свинину соломкой, шашлычки из куриной грудки, щедро политые соусом хойсин**. В дополнение к этому - пакет теплого соевого молока, и вот, готов идеальный завтрак ученика. Чэнь Юйлян своими руками наполняла пустые желудки более трех тысяч учеников старшей школы Чэннань, обеспечивая стабильный приток богатства в свою маленькую семью.

[Примечание: *Программа для китайских гурманов.

** Хойсин - китайский соус (кантонская кухня), имеющий сладковатый пряный вкус; приправа для блюд китайской кухни, также используется во вьетнамской и американской кухне. Приготавливается из ферментированных соевых бобов (соевой пасты) с добавлением сахара, уксуса, кунжутного масла, красного риса (который придаёт соусу характерный цвет тёмного красного дерева), чеснока, мёда, а также смеси «Пять специй». Также из приправ могут добавляться гвоздика, бадьян, зёрна фенхеля и др. Хойсин используется в маринадах, для глазирования запекаемой птицы и шашлычков, в качестве соуса для различных традиционных блюд из мяса и птицы, наиболее известным из которых является утка по-пекински.]

Старый Ван потерял дар речи.

Лу Жун вздохнул:

— Но никто не знает, что за этой ежедневной суетой скрывается титанический труд Чэнь Юйлянь. Подъем в кромешной тьме, в три часа утра, чтобы вырвать лучшие продукты на фермерском рынке, затем - варка клейкого риса в огромной деревянной бочке. И, наконец, она тянет свою тележку с угольной печью и этой бочкой к воротам школы. И так - одиннадцать лет...

Старый Ван лишь молча сглотнул.

Лу Жун пробирался по заваленному всякой всячиной коридору. Щелкнув ключом, он открыл общую кладовку. Хотя и тесная, всего два-три квадратных метра, она была до отказа набита вещами, но каждая лежала на своем месте. У правой стены оставался просвет около метра, как раз чтобы уместить женский велосипед в стиле Цзи'ань и вызывающе-красный горный велосипед Фан Цин.

Лу Жун выкатил свой велосипед. Легко подняв его над головой, словно пушинку, он осторожно пронес его через узкий коридор. Колеса велосипеда пару раз подпрыгнули на неровном бетонном тротуаре. Лу Жун вскочил на велосипед и приготовился оттолкнуться.

Старый Ван, задыхаясь от возмущения, ухватился за заднее сиденье:

— Да у меня руки опустились из-за...эмоционального кризиса! Я видел все прошлой ночью! Ты выходил из подъезда с этим... владельцем „Бентли“!

Лу Жун, как профессор, поправил его:

— Вечер. Было полвосьмого.

У старого Вана похолодело внутри.

И точно, Лу Жун, неторопливым тоном диктора из передачи «Китай на кончике языка», продолжил:

— К половине восьмого город С уже погружается в сумерки. В тысячах окон загорается теплый свет, манящие ароматы плывут по улицам. Это время, когда люди собираются в кругу семьи после напряженного дня. А Чэнь Юйлянь все еще стоит в темноте, согреваясь лишь жаром небольшой угольной печи. В среду вечером два класса учеников в теплых классах корпят над математикой и биологией. Их элитные олимпиадные занятия заканчиваются на час позже. И Чэнь Юйлянь ждет. Она знает, что через час начнется небольшой час пик, и рядом с ней не будет других торговцев...

Старый Ван простонал:

— Да понял я! Понял! Буду я эти шашлыки делать как следует, ладно?! Вы что, все такие, любите богатых, а бедных презираете?!

Фан Цин и этот владелец Бентли нанесли сокрушительный удар по его самооценке.

Лу Жун беззлобно усмехнулся:

— Мы не только презираем бедных и любим богатых, но и презираем ленивых, а трудолюбивых уважаем, презираем грязных, а любим чистых, презираем гордых, а ценим скромных, презираем некрасивых, а красивых обожаем, презираем лысых, а волосатых... ну, вы поняли. Это человеческая природа.

Старый Ван поник, хотел было достать сигарету, но испепеляющий взгляд Лу Жуна заставил его поспешно захлопнуть портсигар. Удрученный, он поплелся следом за Лу Жуном, исподтишка глядя на него с надеждой.

— Неужели твоя мать... все решила? Не может быть! Твоя мать и этот Бентли... это же как-то... не вяжется?

Лу Жун, с непоколебимой уверенностью, отрезал:

— Это любовь.

Старый Ван окончательно сник. Лу Жун похлопал его по плечу.

— В море полно рыбы. Я видел, у вас там Линь Чилин* на плакатах развешана, не обязательно же заикливаться на моей матери. Если будете учиться у Чэнь Юйлянь, то, глядишь, и сами женитесь.

[Линь Чилин, 1974 г.р., тайваньская актриса и модель.]

Старый Ван лишь бессильно развел руками.

Лу Жун великодушно предложил:

— Вижу, вы совсем расклеились. Дам вам пару дней выходных. Через два дня будем продавать новый товар, вы заработаете много денег. Вы же взрослый мужик, о какой великой любви вы мечтаете?

Опечаленный старый Ван остановился и, засунув руки в карманы брюк, позволил Лу Жуну уехать в сторону ворот старшей школы Чэннань. Он стоял, как громом пораженный, глядя на Чэнь Юйлянь, и вдруг осознал, что в том, как эта женщина средних лет управляется с грилем, есть что-то... завораживающее. Образ Чэнь Юйлянь, застывшей в полумраке, Чэнь Юйлянь, совершающей покупки на рассвете, Чэнь Юйлянь в бикини на Мальдивах – все смешалось в его голове...

Чэнь Юйлянь уперла руки в бока и рявкнула:

— Что вылупился?!

Старый Ван вздрогнул от испуга и, не смея больше ни думать, ни смотреть, поспешно ретировался. Все равно сегодня он не работает, Лу Жун дал ему отгул.

После двух уроков, во время перерыва на подзарядку, Лу Жун сообщил Ли Наньбяню:

— Мне нужно кое-что сделать, поэтому на следующий урок не пойду. Если учитель спросит, помоги мне что-нибудь придумать.

Ли Наньбянь, привыкший выгораживать друга, кивнул:

— Без проблем. Куда намылился?

— В столовую.

— А там что?

В Ли Наньбяне сидел закоренелый мачо: хоть он и провалил китайский язык и литературу, но фразу «благородный муж держится подальше от кухни*» он усвоил намертво.

[君子远庖厨 / jūnzǐ yuǎn páochú. Благородный муж держится подальше от [бойни и] кухни. Т.е. обладает жэнь 仁, добротой сердца; фраза из Мэн-цзы 孟子. Благородный муж, увидевший живое животное, не может спокойно смотреть, как оно умирает, поэтому держится подальше от кухни. Эту фразу неправильно используют, как настоящий мужчина не должен ничего делать на кухне.]

Лу Жун небрежно бросил:

— Вчера полдня стояли в очереди, а рыбных пирожков так и не получили.

Ли Наньбянь возмутился:

— Да как такое могло случиться!

Лу Жун вкратце обрисовал, как Цзи Вэньфэн, действуя в сговоре с завучем, пролез вперед, а какой-то бессовестный тип скупил сразу четыре пирожка.

Ли Наньбянь кипел от гнева:

— Ну и гад же он!

Лу Жун, хоть и был зол, но в нем уже проснулся предпринимательский азарт:

— У этого пирожка есть потенциальный рынок сбыта.

Ли Наньбянь, давно усвоивший ход мыслей Лу Жуна, сразу понял, к чему тот клонит:

— В смысле, перепродавать?

Он мог мыслить только в рамках спекуляции - перепродавать рыбные пирожки, как билеты на поезд перед китайским Новым годом.

Лу Жун бросил на него красноречивый взгляд. Ли Наньбянь смущенно почесал в затылке.

— Если бы я там был, предложил бы 10 юаней за штуку тому студенту, который купил четыре. Продал бы он или нет!

— 10 юаней за штуку? Даже я бы не стал, — отрезал Лу Жун.

Ли Наньбянь схватил его за руку.

— Я бы для тебя купил!

Лу Жун лишь закатил глаза.

Ли Наньбянь продолжал приставать к Лу Жуну с расспросами о рыбных пирожках, но тот лишь отмахивался:

— Придет время - узнаешь... А что там такое впереди творится?

Рядом с их восьмым классом находилась удобная лестница учебного корпуса №2: спуститься по ней - пара пустяков, и вот ты уже на спортивной площадке. Но сейчас учебный корпус №1 был переполнен людьми. Ученики, которые могли бы свободно пройти, не спешили выстраиваться в колонны. Все они толпились под лестницей, возбужденно переговариваясь, словно предвкушая захватывающее зрелище.

— Что там происходит? — спросил Лу Жун.

Ли Наньбянь приподнял брови и пояснил с ухмылкой:

— Это все из-за Музыкального фонтана.

Лу Жун недоуменно нахмурился:

— Что?

Ли Наньбянь, выдержав эффектную паузу, пояснил:

— Это мажор*, о котором ты говорил, он же перевелся в первый класс. Помнишь, в день его приезда включили музыкальный фонтан? Так мы его между собой и прозвали - «Музыкальный фонтан».

[##### / èrshìzǐ - мажор, испорченный ребёнок из богатой семьи, золотая молодёжь. Или, как многие уже читали, - второе поколение богатых.]

Лу Жун, поморщившись, посмотрел на толпу.

— Неужели нужно так бурно реагировать?

Ли Наньбянь возразил:

— Еще как! Говорят, его старостой выбрали.

В первом классе царила особая атмосфера. Выражаясь проще, это были «сливки общества*». В такую престижную школу, как Чэннань, учеников можно было устроить по блату и за деньги, но это стоило намного дороже, чем в обычных школах. А те, кто мог позволить себе такую роскошь, должны были обладать огромным влиянием в городе С.

[##### / fēi fù jí guì - богатые и благородные. Сказано о высших социальных слоях. Богатые и

респектабельные люди.]

Чтобы поддерживать престиж и высокий уровень поступления, школа собирала всех своих лучших учеников в первый класс, чтобы те составили достойное окружение для «наследного принца». То, что Лян Вэньдао учился в первом классе, доказывало, что там собрались не простые смертные – либо с деньгами, либо со связями, либо гении.

В этой сложной иерархии выбрать старосту было непросто. За полгода учебы в первом классе так и не появилось постоянного старосты.

И вот, вчера внезапно прибыл мажор, пожертвовавший школе 100 миллионов юаней. В среду днем как раз было собрание класса. Классный руководитель первого класса решил воспользоваться моментом и выбрать старосту, чтобы заменить временного.

Классный руководитель предложил:

— Давайте сначала выдвинем кандидатуры, а потом проголосуем, как обычно.

Лян Вэньдао вызвался:

— Я предлагаю свою кандидатуру.

Чжао Ихэн поддержал:

— Чжао Ихэн.

Студент А воскликнул:

— Я предлагаю кандидатуру Цзи Вэньфэна!

Студент Б подхватил:

— И я за Цзи Вэньфэна!

Студент С закричал:

— Цзи Вэньфэн!

.....

Лу Жун лишь цокнул языком.

Ли Наньбянь негодовал:

— Одноклассники в первом классе – сплошное разочарование! Какой-то балаган! Более того, когда началось голосование, там вообще творилось что-то невообразимое!

.....

После выдвижения кандидатур классный руководитель предложил каждому кандидату выступить с речью. Остальные студенты, независимо от того, выдвигали ли они свою кандидатуру добровольно или их выдвинули другие, даже если притворялись, все равно произносили речи о том, как они будут стараться изо всех сил ради блага класса. Лян Вэньдао в своей речи дошел до таких душераздирающих выражений, как «печень и мозг, разбрызганные по земле*».

[Отдать жизнь; не пощадить живота своего (в высших целях). Первоначально оно относилось к трагической гибели на войне, но позже использовалось для обозначения жертвоприношения жизни. Это также можно описать как делать все возможное, чтобы быть лояльным, и любая жертва – любой ценой.]

Цзи Вэньфэн же произнес речь на тему:

— Я не хочу быть старостой.

Лу Жун изумленно выдохнул:

— С ума сойти!

Ли Наньбянь добавил:

— Что еще хуже, он набрал больше всего голосов!

Лу Жун задался вопросом:

— Почему у первого класса такая слабая воля?

Словно отвечая на его невысказанный вопрос, едва он замолчал, с лестницы первого учебного корпуса донесся пронзительный крик.

На углу лестницы возник Цзи Вэньфэн, небрежно засунув руки в карманы. Его лицо оставалось

бесстрастным, но каждая черта говорила о безупречности и совершенстве. Даже уродливая, ненавистная школьная форма, казалось, преобразилась на его теле, превратившись в модный наряд с Таобао, способный приносить тысячи юаней продаж в месяц.

— Потому что он - красавчик, — тихо прошептал Ли Наньбянь на ухо Лу Жуну,

[Используя иероглиф 帥 (shuài), означающий мужественную красоту. В то время как в «Три раза замужем за соленой рыбой» для описания Линь Цинюя используются иероглифы, в большинстве случаев описывающих красивых женщин, Цзи Вэньфэн был красив именно своей мужской статью.]

Лу Жун лишь печально покачал головой, пораженный ветреностью вкусов школьников.

— Все девочки голосуют за него, а что насчет парней?

Ли Наньбянь хмыкнул:

— Разве ты не видел, как много мальчиков таращится на него в толпе?

— Геи тянутся к геям, — фыркнул Лу Жун.

Переводчику есть что сказать:

ессо: «Китай на кончике языка» - отличный документальный сериал, всем советую посмотреть!

<http://bllate.org/book/15338/1355572>